

Н.А. КАСАВИНА

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО: МЕЖДУ ГУМАНИЗМОМ И ПРАГМАТИЗМОМ

КАСАВИНА Надежда Александровна – доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института философии РАН, Москва, Россия (kasavina.na@yandex.ru).

Аннотация. В статье проблематизированы понятия «гуманизм» и «социальное государство», взаимосвязь которых раскрывается в их современной интерпретации. Социальное государство понимается в двух модусах: как способ снятия социальной напряженности (прагматический аспект) и движение общества в реализации цивилизационного выбора гуманистических ценностей (мировоззренческо-гуманистический аспект). Оба модуса обладают высокой степенью актуальности для современной России в локальном и глобальном смыслах. Вопрос о кризисе гуманизма интерпретирован в контексте проблемы отчужденной экзистенции, фиксирующей разочарование философской мысли XX в. в гуманистических идеалах. Социально-гуманитарные науки осуществили дисциплинарный поиск возможности их осуществления (в частности, экзистенциальное правоведение и экзистенциальная социология). Новый гуманизм, включающий концепт «социальное государство», – значимая перспектива современного общества.

Ключевые слова: социальное государство • гуманизм • новый гуманизм • кризис гуманизма • экзистенциальное право • экзистенциальная социология • социальная напряженность

DOI: 10.31857/S013216250002156-4

Конституционное провозглашение России в 1993 г. социальным государством актуализировало социально-философское обоснование и специально-научное исследование его сущности, этапов и факторов становления, особенностей отечественных реалий осуществления его принципов. Проблема социального государства включает два ключевых пласта, – снятие социальной напряженности, укрепление социальной системы, вместе с тем, выражая общий контекст европейской культуры гуманизма.

Социальное государство как ответ на социальную напряженность. Концепция социального государства, сложившаяся в середине XIX в. в трудах Л. фон Штейна (1815–1890)¹, прежде всего явилась ответом на вызовы социальной реальности, ее напряженности и назревшей необходимости ответственности государства за осуществление социальных функций [Штейн, 1872; 1874]. Источником немецкой идеологии социального государства является консервативная мысль, в особом практическом аспекте проявившая себя в условиях активизации рабочего движения. Ее исходным пунктом являлась недопустимость революционных действий, угрожавших существующему строю и самому государству.

Л. фон Штейн показал, что обострение классовых противоречий между трудом и капиталом представляет собой опасность стабильности гражданского общества и государства. Ради самосохранения государство должно встать на защиту трудящихся, испытывающих нужду, снизить напряженность классовой борьбы. В противном

¹ Основные сочинения: Der Socialismus und Kommunismus des heutigen Frankreichs, 1842 («Социализм и коммунизм в современной Франции»); Geschichte der sozialen Bewegung in Frankreich von 1789 bis auf unsere Tage, 1850 («История социального движения во Франции с 1789 г. до наших дней»); Die Verwaltungslehre, 1865–1868 («Учение об управлении»).

случае недовольство низов может привести к разрушительным, революционным последствиям.

Существование зависимых людей, в понимании Л. фон Штейна, делает государство зависимым от них. Оно не может стабильно развиваться, если большие массы людей недовольны своим положением и лишены возможностей это положение исправить собственными силами, кроме революции. В этих условиях только государство может изменить опасную ситуацию, встав на сторону трудящихся и предоставив им права, достойные условия жизни и возможности развития через обеспечение доступа к образованию и социальной мобильности.

Л. фон Штейн предложил способ гармонизации классовых противоречий путем ответственности государства за улучшение условий жизни работников наемного труда, за установление относительного баланса интересов между слоями общества. Механизмом реализации этих обязанностей признавалось изменение публичного права и принятие законов, которые бы гарантировали каждому человеку независимо от социального статуса стабильные условия жизни и помощь государства в обеспечении социальных гарантий.

Главной задачей внедрения социального государства являлось прекращение революционных выступлений в Европе в середине XIX в., устранение острых противоречий буржуазного общества посредством организации социального обеспечения, достойных условий жизни и возможностей свободного развития, прежде всего низших слоев населения. Классическое социальное государство нацелено на улучшение жизни человека за чертой бедности. Как отметил В.К. Левашов, «буржуазные государства защиты интересов меньшинства под давлением широких социальных слоев снизу в Германии и Великобритании были вынуждены принимать законы о социальном страховании. В Европе продолжался медленный процесс трансформации государства господства над большинством в социальное государство защиты интересов большинства» [Левашов, 2014: 34].

В более широком смысле, государство должно способствовать поддержанию равенства в правах общественных классов, отдельной самоопределяющейся личности как субъектов экономического и общественного прогресса. Теория социального государства оказалась востребованной, и дальнейшее развитие многих стран пошло по пути ее практической реализации. Становление социального государства в научной литературе связывается с рационализацией социальных функций государства, итогом чего стало признание социальной роли государства как защитника прав и свобод человека. Таким образом, концепция социального государства отвечала на конкретные исторические задачи, стоящие перед государством, и в этом смысле далека от приоритетности гуманистических принципов его организации: «принятие государством на себя социальных обязательств перед гражданином означает не акт гуманизма, альтруизма и человеколюбия, а жизненную необходимость, реализацию воли государства к самосохранению» [Кочеткова, 2009:13].

Это понимание социального государства обретает особую актуальность в отношении к современной России с противоречиями и напряженностью ее общественного развития. В свое время российская революция 1917 г. дала мощный импульс развития социального государства на основе советской формы демократии и социальной политики первого в мире социалистического государства [Левашов, 2014: 34]. Сегодня острой проблемой российской действительности снова является дифференциация доходов, появившаяся в результате шоковой либерализации 1990-х гг. Наличие большой части населения за чертой или около черты бедности свидетельствует, что Россия остается на уровне страны стагнирующей бедности. Низкие социальные гарантии в области здравоохранения и образования, пенсионного обеспечения, жилищной политики, поддержки незащищенных групп населения говорят о слабости социального государства в России. Ситуация усугубляется слабостью местных сообществ и неразвитостью институтов местного самоуправления [Великая, Гуселетов, 2012].

Социальное государство и гуманизм. Концепция социального государства по своему основанию (снятие социальной напряженности) направлена на создание системы управления рисками, на решение конкретных проблем общественного устройства и порядка. Однако в более общем – культурном смысле, концепция социального государства стала выражением предшествующего развития западноевропейской социально-философской мысли по вопросам отношений между личностью, государством, обществом в контексте права, свободы и равенства. Социальное государство нельзя не считать практическим проявлением многовекового гуманистического поиска европейской цивилизации.

Развитие личности в государстве, удовлетворение основных потребностей человека, достижение высоких социальных гарантий является не только основанием социально-политической стабильности и гражданского мира как главной цели государства, но и реализацией гуманистических ценностей культуры. Социальное государство и гуманизм – значимая категориальная пара. Одно позволяет шире и более ёмко понять другое.

Гуманизм в практическом выражении опирается на социальное государство, которое за счет гуманистических ценностей становится не только возможным способом ликвидации выраженных социальных напряжений, но и обретает черты цивилизационного выбора и результата: гуманизм и социальное государство реализуют сочетание функциональности и человечности в методах осуществления управленческих функций государства.

Гуманистический характер социального государства, понимание его политики как обеспечения фундаментальных ценностей современной цивилизации, «создания условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека», подчеркивается в работах некоторых современных отечественных авторов. Несмотря на то что в XX в. антропологический кризис, утверждение массовой культуры и рост социальных противоречий ставят гуманизм под сомнение, есть попытки нового прочтения гуманизма в его связи с концепцией социального государства [Лапин, 2016; Орлов, 2013]. К ним мы обратимся ниже.

Гуманизм как перманентное основание европейской модели общественного строительства. Европейская модель социального государства есть результат длительного процесса становления принципа «человек–общество–государство», культурного пути, «процесса цивилизации», поставившей человека и содействие его развитию в центр общественной системы. Она включает в себя экономические, правовые, политические, мировоззренческие, ценностные характеристики.

Социальное государство можно рассматривать как один из общественных идеалов человечества, его высшее достижение в сфере государственного строительства. Становление социального государства является закономерным следствием развития европейской цивилизации, опирающейся на ценности гуманизма. Это наиболее разработанный способ обеспечения благополучия личности и развития общества в целом.

Гуманизм в широком смысле трактуется в философии как особое мировоззрение, в центре которого – человеческая личность как ценность, заключающая в самой себе причину собственного существования и совершенствования [Межуев, 2013]. Гуманизм в контексте социального государства означает становление институциональных и общественных условий раскрытия подлинной человечности и человеческих отношений.

При наличии латентного гуманистического поиска европейской культуры в эпохи Античности и Средних веков стержневая идея переустройства человеческого общества в соответствии с идеалами гуманизма формируется в эпоху Возрождения. Гуманизм мыслится как основание всех форм культуры. Создание моделей идеального государства в работах утопистов Т. Мора и Т. Кампанеллы продолжает философский дискурс возможности реорганизации социальной жизни на основе равенства и справедливости.

Философия Нового Времени осуществила концептуальную проработку основных принципов гуманистического мировоззрения. Вера в силу и действенность человеческого разума ознаменовала новый этап рационализации оснований государства и возможностей его совершенствования. Государство стало рассматриваться не просто как неотъемлемая часть жизнедеятельности человека, организующая жизнь сообщества, но как система, призванная служить личности. Итогом такого понимания стала идея правового государства, обеспечивающего реализацию естественных прав человека и центрального их звена – свободы. Впоследствии, под влиянием немецкой классической философии И. Канта, Г. Гегеля, И. Фихте, Ф. Шеллинга проблема свободы становится все более определяющей и перерастет в широкую гуманистическую концепцию человеческого бытия. Гуманистические идеи немецкой классической философии о личности как самоцели, о свободе и автономии личности, о неотъемлемых и неотчуждаемых правах человека составили основу последующих концепций гуманизма и социальной справедливости.

Кризис идей гуманизма и социального государства. Конец XIX в. и особенно XX в. ознаменовались кризисом рационализма, гуманизма, возможности разумного переустройства социальной действительности в целом. На фоне социальных катастроф XX в. европейский гуманизм выглядит несостоятельным явлением, а достигнутые успехи в области социального государства – потерявшимися фрагментами в буре экономических, политических, национальных противоречий. Огромные жертвы мировых войн, геноцид, межнациональные конфликты свидетельствуют скорее об отсутствии связи между прогрессом промышленности, техники, науки и утверждением гуманистических ценностей. Кризис гуманизма интерпретируется как крушение ценностей европейской цивилизации.

Судьба гуманизма после Второй мировой войны обсуждалась, разумеется, уже не как реальная перспектива, а как обращение к непреодолимому разрыву между личностью и обществом, антагонистичностью социальной системы по отношению к индивиду. Особенно это касается экзистенциальной философии с ее трагическим видением положения человека в мире и обществе. 29 октября 1945 г. в докладе «Экзистенциализм – это гуманизм», имевшем большой культурный и общественный резонанс, Ж.-П. Сартр говорил о проблематичности и невозможности гуманизма после бесчеловечности событий, произошедших в XX в. Личное, подлинное бытие человека, его экзистенция стали трактоваться в их обособленности и противопоставлении каким-либо социальным и культурным влияниям. Гуманизм стал относиться к человеку, отрицая возможность гуманности социальной системы, которая только ниспровергает подлинные личностные устремления.

Сразу после выхода этой работы Ж.-П. Сартра французский философ Жан Бофре спросил М. Хайдеггера о перспективах обновления смысла понятия «гуманизм». В ответном «Письме о гуманизме», подготовленном для публикации в 1947 г., Хайдеггер подверг критике традиционный гуманизм в свете непреодолимой «бездомности» человека. Стремясь все же сохранить слово «гуманизм», М. Хайдеггер пытается придать ему новый смысл, отрицая предшествующие попытки философского определения его на фоне некоего утвердившегося истолкования истории, мира, человека и его «природы».

М. Хайдеггер, в сущности, снова задает вопрос: что такое человек, подразумевая, что ответить на него можно только в метафизическом духе, который сам глубоко гуманистичен. Гуманизм, по Хайдеггеру, связан с прояснением человечности, разумности человека, прояснением его экзистенции. Именно гуманизму, в центре которого – экзистенция человека «в просвете бытия», историческое существо человека в его укорененности в истине бытия – Хайдеггер пророчит будущее [Хайдеггер, 1993: 208]. Философское вопрошание о гуманизме «возвращается к экзистенции», которая, по М. Хайдеггеру, означает не действительность самоутверждающегося субъекта, не действительность субъектов, взаимодействующих с другими и приходящих к самим себе. Это – экзистенция как «забота о бытии», предполагающая шаг мысли назад, до испытующего вопрошания и преодоления заученных философских мнений.

Возродить слово «гуманизм» означает определить его заново в контексте осмысления существа человека и его экзистенции.

Как быть в этом случае с этикой, гуманизмом в его традиционных коннотациях, с направляющими нормами социальной жизни, с ценностным упорядочением массового бытия, с социальным государством как формой преодоления пропасти между индивидом и обществом с его институтами? Гуманизм в его экзистенциальном духе выступает либо как осознание индивидом своей связи с Богом, либо как глубоко личное переживание им своей экзистенции, своего индивидуального бытия. Гуманизм как программа социального переустройства общества признается утопической, ведущей к отдалению от истины и риском утверждения тоталитаризма. Вместе с тем широкий диапазон направлений гуманистической мысли, в том числе проявившей себя в XX в. (христианский, этический, ноосферный, эволюционный, натуралистический, экологический гуманизм), побуждает рассматривать гуманизм как концепцию и явление с выраженным современным и практическим звучанием.

Экзистенция и общество: научно-гуманитарные поиски преодоления противоречий. В области социально-гуманитарных наук после Второй мировой войны ведутся поиски способов такого переустройства общества и его институтов, которое бы соединяло человека и социальное бытие. Разочарование, испытываемое философией и высказанное Ж.П. Сартром и М. Хайдеггером, является ее привилегией, в то время как конкретные дисциплины этой привилегии лишены в силу их практического характера. Это не упрек в адрес философии. Разочарование – не отказ от решения проблем, это контекст, создаваемый философским мышлением и инициирующий активный дисциплинарный поиск. Экзистенциальная философия, в том числе ее пессимистический вариант, актуализировала экзистенциальный поворот в социально-гуманитарных науках, которые включили ее достижения в контекст исследования социальной реальности или развития личности и приблизили практическую реализацию ее мировоззренческого пафоса.

Примерами такого дисциплинарного поиска преодоления отчуждения человека в обществе, утверждения его экзистенции являются экзистенциальная социология и экзистенциальная философия права. В рамках последней разрабатывались проблемы соотношения экзистенциального права (понятие, во многом воспроизводящее категорию естественного права) и позитивного права, проблемы субъекта в правовой действительности, сфер нравственности и права как областей самобытия экзистенции. В духе этих идей концепция социального государства наполняется новой реалистической трактовкой.

Поворотным моментом в экзистенциальной философии права стало обращение к субъекту, активно включенному в общественную и правовую действительность, его внутреннему миру, к субъективной репрезентации им различных явлений социальной реальности, в том числе и юридических процессов. Экзистенциальный подход к праву изложен в работах немецких правоведов В. Майхофера (1918–2009) [Maihofer, 1954, 1963] и Э. Фехнера (1903–1991) [Fechner, 1962; Фехнер, 2010]. Их основные работы были написаны позже приведенной выше дискуссии Ж.П. Сартра и М. Хайдеггера о гуманизме.

Э. Фехнер критиковал юридический позитивизм, признающий лишь эмпирические, реальные факты, игнорирующий сферу метафизического, что приводит к отождествлению права и установлений государственной власти. В. Майхофер стремился преодолеть проблему разрыва между индивидом и социумом, обостренную в экзистенциализме, включая в правовую действительность категорию «бытия-в-качестве», относящуюся к «конкретному естественному праву». В отношениях с социумом субъект самостоятельно выбирает свою роль. Его самобытие опосредуется правом, обществом, государством. Осмысливая идеи Ж.П. Сартра, К. Ясперса, В. Майхофер указывает на необходимость понимать феномен права как обусловленный экзистенциальными структурами фундаментальный модус бытия человека [Майхофер, 2008: 255]. В целом, правовой экзистенциализм направлен на поиск смысла человеческого бытия в особых ситуациях, когда право рассматривается как экзистенциальная основа

обретения смысла бытия человеком. В этом ключе можно трактовать и социальное государство, которое, в сущности, способствует реализации экзистенциально значимых потребностей человека и утверждает особые экзистенциальные ценности (жизнь, свобода, творчество).

Призыв В. Майхофера рассматривать индивида не в противостоянии обществу и рождающимся в нем правоотношениям, а в контексте их совместного бытия, отсылает нас к необходимости рассматривать феномен экзистенции в его многообразных связях с культурой и наполняет проблему гуманизма утраченным духом оптимизма. Критерием взаимоотношений человека с социумом, в том числе и правоотношений, является их разумность, что согласуется с идеями М. Хайдеггера, высказанными в «Письме о гуманизме».

В. Майхофер разумность выводит из идей категорического императива и максим морали И. Канта, в сущности осуществляя рационализацию экзистенциализма. Это выступило предметом критики со стороны представителей экзистенциальной феноменологии, однако рационализация экзистенции связана с переводом экзистенциальной проблематики в область социально-гуманитарной практики, решения конкретных научных задач и в контексте современных исследований представляется оправданной. Такой подход позволяет представить синтез философско-междисциплинарного обоснования возможности и необходимости реализации идеи социального государства в его гуманистической трактовке. С разных позиций экзистенциальный подход к праву осмысливался и продолжает осмысливаться, что свидетельствует об актуальности этого дискурса [Гаджиев, 2013; Туганов, 2014; Стова, 2010; 2008].

Я намеренно оставляю в стороне критику экзистенциальной философии права со стороны классического правового реализма. В данном контексте важнее подчеркнуть связь экзистенциально-гуманистического и социального дискурсов не только в исторической ретроспективе, но и в отношении к современным задачам.

Неклассическая социология, особенно феноменологическая и экзистенциальная, по-своему должна была вернуться к ментальности, от которой так стремились уйти позитивисты. Подразумевалось, что социальная наука должна не просто признать влияние личностной компоненты, но и исследовать ее как важный фактор социальной жизни и социальных изменений. Т.М. Дридзе назвала это поворотом теории социального познания и социального действия лицом к живому человеку, обитающему в многослойной жизненной среде и эволюционирующему в процессе непрерывной обратной связи с ней [Дридзе, 2001].

Сторонникам направлений неклассической социологии свойственно представление о социальной реальности как зависимой от человеческого сознания и опыта. Она рассматривается как пребывающая в постоянной незавершенности и творении, достигающаяся в общении и действии не только в зависимости от предшествующих событий, но и по направлению к тому, что еще не явлено, а существует как идея, намерение [Кравченко, 2001].

Пожалуй, именно в таком контексте незавершенности и случайности социального становления П. Штомпка употребляет понятие «социальная экзистенция»: «Социальная экзистенция всегда динамична... Как и жизнь, в буквальном смысле социальная экзистенция никогда не стоит на месте... Но она динамична не только в смысле постоянного непрекращающегося действия или функционирования... но также в смысле приведения в движение продуктивных, долгосрочных “перемен чего-то”: социальные процессы, трансформация» [Штомпка, 2009: 6]. Трактующее таким образом понятие «социальная экзистенция» отражает влияние феноменологической и экзистенциальной философии в представлении социальности как становления, процесса (то же – «структурация» Э. Гидденса). Возникает апелляция к случайной динамике социальной жизни, к потоку сознания, потоку социального взаимодействия, времени, в котором оно разворачивается. Имеет место культурный поворот к поиску незаметных тканей из смыслов, правил, ценностей, норм, представлений, регулирующих поведение людей.

По мнению Э. Тириакияна, ученика П. Сорокина и Т. Парсонса, классическая социология слишком много внимания уделяет «поверхностным», институциональным социальным феноменам вместо того, чтобы обратиться к предшествующей им сфере социального существования. Эта глубинная экзистенциальная сфера и мыслится им как предмет социологии, которая должна изучать человеческое бытие в социетальной экзистенции [Tiryakian, 1962: 163]. Он пишет: «Если брать общество как экзистенциальную реальность (а не как грубую сущность или чистую абстракцию), то крайне важно понять, как экзистенциальная структура человеческого бытия проявляется в социетальном существовании» [Tiryakian, 1962: 164]. Возводя экзистенцию на социетальный уровень, Э. Тириакийн акцентирует внимание на изучении общества не как простой совокупности не связанных между собой индивидуальных экзистенций либо связанных механически, но в качестве целостной, социальной экзистенции, порождаемой взаимодействием индивидов и их «солидарностью» (Э. Дюркгейм).

Идеи Э. Тириакияна, П. Штомпки – примеры исследования и концептуализации макроуровня экзистенциальной социологии, на котором, даже через такие на первый взгляд абстрактные понятия, как «социальная экзистенция», «социетальный уровень экзистенции», проявляется ключевая роль изучения глубинных личностных оснований социального существования.

Бытие человека в обществе исследуется на примере самых разных проблем и особенностей становления идентичности, представая множеством граней повседневной культуры. Экзистенциальная социология исследует пути, в рамках которых формируется, проявляется, «испытывается» человеческая индивидуальность в быстро меняющемся социальном мире [Kotarba, Fontana, 1987].

Возникает иное содержательное наполнение социологических исследований, касающееся бытия человека в обществе, по аналогии с проблемами бытия человека в мире как предмета экзистенциальной философии. Это проблемы свободы и ответственности, смысла жизни, выбора, сопричастности миру и обществу через ориентацию на других.

В современной социологии проблема смысла и бессмысленности существования тесно взаимосвязана с изучением качества и условий жизни. Пути ее разрешения усматриваются в конкретных особенностях социализации личности в определенной среде. Различные аспекты проблемы смысла жизни становятся составляющими эмпирических социологических исследований. В частности, это – изучение смысложизненных позиций личности, их влияния на социальное поведение индивида, на поддержание тех или иных способов социального взаимодействия; «измерение» социального самочувствия населения, его удовлетворенности жизнью; описание социальных проявлений утраты смысла жизни и, напротив, ощущения подлинности, аутентичности существования. Исследования жизненного мира и редкой в социологии проблемы смысла жизни, предпринятые Ж.Т. Тощенко [Тощенко, 2015; 2016], изучение когнитивной части социального капитала, осуществленные Л.А. Беляевой [Беляева, 2014], являются примерами современной интерпретации важности культурно-смысловых оснований социальности.

Таким образом, проблемы, поставленные в экзистенциальной философии, находят различные варианты воплощения и изучения в современной научной и социальной реальности, дополняя сложившееся видение общества и воспроизводства социальных связей на новом уровне социокультурного развития. Это дополнение является частью общей интеграции в научных исследованиях личностной (микро-) и социокультурной (мега-) реальностей и формирования проектов их развития [Касавин, 2015; Kasavin, 2014].

В экзистенциальных подходах, сложившихся в философии права и социологии, осуществляется сближение личностной и социальной реальностей, обнаружение возможностей их соприкосновения, что способствует становлению нового взгляда на социальный гуманизм и социальное государство, которые такому соприкосновению могут способствовать.

Новый гуманизм? Время от времени в философии и социально-гуманитарных науках назревает потребность нового прочтения ключевых проблем этой меняющейся, становящейся и загадочной личностной и социальной реальности, законы которой трудно обнаружить. О. Больнов призывал когда-то к «новой укрытости» как преодолению трагизма экзистенциализма. Новый рационализм, новый реализм... Список можно продолжить, фиксируя естественный и понятный поиск философией, наукой, искусством и другими формами духовной и специализированной культуры новых, связанных с современными условиями существования, возможностей развития человека и общества. Необходимо и наблюдается на современном этапе и новое прочтение проблем гуманизма и социального государства. Можно назвать целый ряд назревших или неразрешенных противоречий социальной действительности, особенно российской, которые могут преодолеваются только через ресурсы гуманизма социального государства.

Проблема гуманизма переживает новое рождение как социальный гуманизм [Орлов, 2013], который при этом должен пониматься не только как ответ на социальную напряженность, но и как цивилизационный поиск нового глобального духовного синтеза. Для России, пережившей в XX в. крупнейшие человеческие и общественные трансформации, это особенно актуально. Согласно Н.И. Лапину, «в настоящее время Россия находится перед новым цивилизационным выбором: либо сохранение социокультурного диссонанса между культурой и социумом, либо его преодоление и движение к качественно более высокому, эндогенно-гуманистическому вектору, основы содержания которого были заложены еще в эпохи Возрождения и Просвещения – к органично целостному состоянию государства, общества и цивилизации» [Лапин, 2016: 26].

Новый гуманизм опирается на идею и практику социального государства (так его мыслил А. Печчеи) [Печчеи, 1980: 217], политика которого включает создание условий и механизмов обеспечения достойной жизни и социальной защиты граждан, минимизацию социальных рисков, движение политической системы в направлении демократии, гуманизацию образования, отношения к окружающей среде, сохранение культурного наследия, создание условий для самореализации творческого потенциала личности. Жизнь (здоровье и продолжительность жизни), семья, безопасность, социальное самочувствие, качество жизни, социальный капитал и др. являются показателями современного социального государства, которые могут быть исследованы и использованы как ориентиры его развития.

Размышляя о будущем Европы и ставя вопрос о конце модели социального государства, Э. Гидденс представляет варианты ее обновления в соответствии с особенностями современной социальной системы. Главное в этом процессе – перейти от борьбы с отрицательными проявлениями и рисками (что так или иначе всегда присутствует) к «реализации положительных устремлений», т.е. содействию образованию и профессиональному обучению, выбору активных жизненных позиций, ведению членами общества здоровой и полноценной жизни [Гидденс, 2015: 106]. Возвращение человеческого и социального капитала становится ключевой составляющей современного подхода к социальному государству. В этой связи особое значение Э. Гидденс уделяет реформе образовательного процесса, рынка труда, здравоохранения и медицинского страхования. Важным условием и проявлением активной жизненной позиции является профессиональная переподготовка и профессиональная мобильность экономически активного населения. Цифровые технологии также создают возможность радикального преобразования систем социального обеспечения, особенно в сферах образования и здравоохранения [Гидденс, 2015: 123].

Новый гуманизм призван предотвратить угрозу антропосоциокультурной катастрофы, что предполагает упрочнение гуманистических ценностных ориентиров на базе стратегии развития культуры, науки, техники и технологии, модернизации экономики, политической системы и социальной сферы. Эти идеи и призывы, находящие сегодня широкое звучание в сфере социальной теории и практики, не лишены утопизма. В чем-то гуманистические идеи и провозглашаемые призывы к человечности

навсегда останутся нереализованными, как и идеал социального государства. В не-котором смысле, «гуманизм – это постоянно стоящая перед человечеством задача, которую оно решает в каждый данный момент своего существования, никогда не достигая окончательного результата» [Межуев, 2013: 13]. Тем не менее, эта задача является таким значимым и реальным ориентиром, такой «целью истории», личное и общественное стремление в сторону которой может способствовать решению многих из обозначенных проблем современности.

В заключение вернусь к размышлениям М. Хайдеггера. По интервью М. Хайдеггера журналу «Шпигель» 1966 г. (опубликовано в 1976 г. после смерти Хайдеггера, как и было им завещано), метафизический смысл гуманизма можно понять следующим образом. Говоря в духе пессимизма о судьбе технократической европейской цивилизации, Хайдеггер связывает возможную надежду на ее возрождение с метафизическим мышлением и возможным откровением со стороны Бога, в существовании которого никто не может быть уверенным, но который является символом напряженной готовности человека к бытию². В таком же ключе можно рассуждать и о гуманизме. Можно не уповать на действенность гуманизма, на гуманизм – как действительность, можно связывать с утопией, или напротив, считать гуманизм реальным основанием социального государства. Каждая из этих точек зрения требует решений, которые этот недостаток «гуманизма» или его присутствие должны восполнить практикой формирования или трансформации социального государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляева Л.А. Региональный социальный капитал и множественная модернизация в России. К постановке проблемы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 1 (31). С. 108–115.
- Великая Н.М., Гуселетов Б.П. От социальной утопии к социальному государству // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 36–45.
- Гаджиев Г.А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности). М.: Норма, ИНФРА-М, 2013.
- Гидденс Э. Непокойный и могущественный континент: Что ждет Европу в будущем? М.: Дело, РАНХиГС, 2015.
- Дридзе Т.М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // Россия: трансформирующееся общество. М., 2001. С. 222–243.
- Касавин И.Т. Мегапроекты и глобальные проекты: между утопией и технократией // Вопросы философии. 2015. № 9. С. 40–56.
- Кочеткова Л.Н. Философский дискурс о социальном государстве // Ценности и смыслы. 2009. № 3. С. 6–15.
- Кравченко Е.И. Теория социального действия: от Макса Вебера к феноменологам // Социологический журнал. 2001. № 3. С. 122–142.
- Лапин Н.И. Гуманистический выбор населения России и центры внимания российский социологии // Социологические исследования. 2016. № 5. С. 23–34.
- Левашов В.К. Социальное государство: исторический генезис и динамика становления в России // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 32–46.
- Майхофер В. Право и бытие // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1. С. 186–258.
- Межуев В.М. Гуманизм и современная цивилизация // Человек. 2013. № 2. С. 5–13.
- Орлов И.Б. Государство социального гуманизма: от социальной экономики к экономической социальности // Общество и экономика. 2007. № 11–12. С. 238–250.
- Орлов И.Б. Теоретические основания государства социального гуманизма // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 3. С. 37–42.
- Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1980.
- Стовба А.В. Эрх Фехнер: опыт пограничности или бытие – между правом и экзистенцией // Российский ежегодник теории права. 2010. № 3. С. 530–538.
- Стовба А.В. Вернер Майхофер: от «Бытия и времени» к «Праву и бытию» // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1. С. 175–185.
- Тощенко Ж.Т. Социология жизни. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016.

²Беседа сотрудников журнала «Шпигель» Р. Аугштайна и Р. Вольфа с М. Хайдеггером 23 сентября 1966 г. // <http://www.heidegger.ru/spigel.php> (дата обращения: 24.04.2018).

- Тощенко Ж.Т. Социология жизни как теоретическая концепция // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 106–116.
- Туганаев К.А. Экзистенциализм как философско-методологическое основание естественно-правовых концепций // Вестник Удмуртского университета. Сер. «Экономика и право» 2014. № 3. С. 204–208.
- Фехнер Э. Философия права // Российский ежегодник теории права. 2010. № 3. С. 539–611.
- Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 192–220.
- Штейн Л. фон. История социального движения во Франции с 1789 года до наших дней. СПб.: А.М. Котомина, 1872.
- Штейн Л. фон. Учение об управлении и право управления с сравнением литературы и законодательств Франции, Англии и Германии / пер. с нем. И.Е. Андреевского. СПб.: А.С. Гиероглифова, 1874.
- Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 3–13.
- Fechner E. *Naturrecht und Existenzphilosophie* // *Naturrecht oder Rechtspositivismus*. Hrsg.von W. Maihofer. 3. Aufl. Darmstadt, 1981. S. 384–404.
- Kasavin I.T. Interactive zones: On the prehistory of the scientific laboratory. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2014. Vol. 84. Iss.6. P. 456–464.
- Kotarba J.A., Fontana A. *The Existential Self in Society*. University of Chicago Press, 1987.
- Maihofer W. *Recht und Sein: Prolegomena zu einer Rechtsontologie*. Frankfurt a. M., 1954.
- Maihofer W. *Naturrecht als Existenzrecht*. Frankfurt a. M., 1963.
- Tiryakian E. *Sociologism and Existentialism: Two Perspectives on the Individual and Society*. NJ: Englewood Cliffs, 1962. P. 163.

Статья поступила: 03.05.18. Принята к публикации: 28.05.18.

WELFARE STATE: BETWEEN HUMANISM AND PRAGMATISM

KASAVINA N.A.

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Russia

Nadezhda A. KASAVINA, Dr. Sci. (Phil.), Assoc.Prof., Leading Researcher, the Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (kasavina.na@yandex.ru).

Abstract. The article problematizes the concepts of “humanism” and “welfare state”, which relationship reveals their modern interpretation. The welfare state is understood in two aspects: as a way of relieving social tension (pragmatic aspect) and the movement of society to the implementation of civilizational humanist choice (ideological aspect). Both of these aspects have got a high degree of relevance for modern Russia in local and global contexts. The crisis of humanism is interpreted in the context of the problem of alienation of existence that captures the frustration of philosophical thought of the 20th century in regard to humanistic ideals. It is shown that the social sciences and humanities searched for the implementation of the ideals (for example, existential sociology and existential jurisprudence). The new humanism, which includes the concept of “welfare state”, supports a significant project of Russian society modernization.

Keywords: welfare State, humanism, humanism, the crisis of humanism, existential jurisprudence, existential sociology, social tensions.

REFERENCES

- Belyaeva L. (2014) Regional social capital and multiple modernization in Russia. To the treatment of the problem. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*. [Economic and social changes: facts, trends, forecast] No. 1 (31): 108–115. (In Russ.)
- Dridze T. (2001) Two new paradigms for social cognition and social practice. In: *Russia: Transforming Society*. Moscow: 222–243. (In Russ.)
- Fechner E. (1962) *Naturrecht und Existenzphilosophie. Naturrecht oder Rechtspositivismus*. Hrsg. von W. Maihofer. 3. Aufl. Darmstadt, 1981: 384–404.
- Fechner E. (2010) Philosophy of law. *Rossiiskii ejegodnik teorii prava* [Russian Yearbook of law theory]. No. 3: 539–611. (In Russ.)
- Gajiyev G. (2013) *Ontology of Law: (Critical Study of the Legal Concept of Reality)*. Moscow: Norma, Infra-M. (In Russ.)
- Giddens A. (2015) *Turbulent and Powerful Continent: What's Next for Europe in the Future?* Moscow: Delo, RANHiGS. (In Russ.)
- Heidegger M. (1993) Letter of humanism. In: *Time and Genesis: Articles and Speeches*. Moscow: Republic: 192–220. (In Russ.)
- Kasavin I. (2015) Mega-projects and Global Projects: Science between Utopia and Technocracy. *Voprosy Filosofii* [Question of Philosophy]. No. 9: 40–56. (In Russ.)
- Kasavin I.T. (2014) Interactive zones: On the prehistory of the scientific laboratory. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 84. Iss. 6: 456–464.
- Kochetkova L. (2009) Philosophical discourse on social state. *Cennosti i smysly* [Values and meanings]. No. 3: 6–15. (In Russ.)
- Kotarba J.A., Fontana A. (1987) *The Existential Self in Society*. University of Chicago Press.

- Kravchenko E. (2001) Theory of social action: from Max Weber to fenomenologam. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal]. No. 3: 122–142. (In Russ.)
- Lapin N. (2016) Humanist choice Russian population focus of Russian sociology *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 5: 23–34. (In Russ.)
- Levashov V. (2014) Welfare state: the historical genesis and formation dynamics in Russia // *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 7: 32–46. (In Russ.)
- Maihofer V. (2008) Recht und Sein. *Rossiiskii ejegodnik teorii prava* [Russian Yearbook of law theory]. No. 1: 186–258. (In Russ.)
- Maihofer W. (1963) *Naturrecht als Existenzrecht*. Frankfurt am Main. (In Ger.)
- Maihofer W. (1954) *Recht und Sein: Prolegomena zu einer Rechtssoziologie*. Frankfurt am Main. (In Ger.)
- Mezhuev V. (2013) Humanism and modern civilization. *Chelovek* [The Man]. No. 2: 5–13. (In Russ.)
- Orlov I. (2013) Theoretical bases of the State social humanism. *Uroven' jizni naseleniya regionov Rossii* [Standard of living of the population in the regions of Russia]. No. 3: 37–42. (In Russ.)
- Pechchei A. (1980) *Human qualities*. Moscow: Progress: 302. (In Russ.)
- Shtompka P. (2009) The focus of daily life. New turn in sociological research. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 8: 3–13. (In Russ.)
- Stein L. von. (1872) *History of social movements in France from 1789 to the present day*. Saint Petersburg: A.M. Kotomina. (In Russ.)
- Stein L. von. (1874) *Teaching management and management right with the comparison of literature and legislation of France, England and Germany*. Saint Petersburg: A.S. Gieroglifova. (In Russ.)
- Stovba A. (2010) Erich Fehner: the boundary experience or Genesis-between right and existence. *Rossiiskii ezhegodnik teorii prava* [Russian Yearbook of law theory]. No. 3: 530–538. (In Russ.)
- Stovba A. Werner Majhofer from “Being and Time” to “Law and Life”. *Rossiiskii ezhegodnik teorii prava* [Russian Yearbook of law theory]. No. 1: 175–185. (In Russ.)
- Tiryakian E. (1962) *Sociologism and Existentialism: Two Perspectives on the Individual and Society*. New Jersey: Englewood Cliffs.
- Toshchenko J. (2015) Sociology of life as a theoretical concept. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 1: 106–116. (In Russ.)
- Toshchenko Zh. (2016) *Sociology of Life*. Moscow: UNITI-Dana. (In Russ.)
- Tuganaev K. (2014) Existentialism as a philosophical-methodological base of natural law concepts. *Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo* [Herald of the Udmurt University. Series “Economy and Law”] No. 3: 204–208. (In Russ.)
- Velikaya N., Guseletov B. (2012) From social utopia to the welfare state. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 6: 36–45. (In Russ.)

Received: 03.05.18. Accepted: 28.05.18.